

М.В. Первушин
ИМАГОЛОГИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА
В «ПОХВАЛЕ» ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

Аннотация: Восприятие фигуры преподобного Сергия Радонежского сегодня соответствует тому представлению о нем, какое складывалось в начале XX в., несмотря на семидесятилетие атеистической пропаганды или благодаря ей. Преподобный Сергей Радонежский явился тогда символом Святой Руси, «народной идеей», по словам великого русского историка В.О. Ключевского. Так смотрят на него и сейчас. Однако появление символа, его кристаллизация в народном сознании требует определенно времени и, что главное, определенных текстов. Первое произведение в цикле текстов о преподобном Сергии Радонежском — «Похвала» ему, написанная его учеником и последователем преподобным Епифанием Премудрым. Сегодня «Похвала преподобному Сергию» забыта. Она практически не изучается. В статье раскрывается динамический образ преподобного Сергия Радонежского, который был написан Епифанием в «Похвале». Вместе с тем «Похвала» рассматривается как такое произведение, которое смогло исключить главного героя из исторического повествования, создать миф о нем. А это в свою очередь привело к формированию на его основе символа, а также традиции его восприятия, протянувшихся поверх разных эпох и, что главное, их соединяющих.

Ключевые слова: древнерусская литература, похвала, эпос, традиция, Сергей Радонежский, поэтика, self fashioning, святость.

Mikhail V. Pervushin
IMAGOLOGICAL SYMBOLS
IN THE PRAISE BY EPIPHANIUS THE WISE

Abstract: The article examines the imagological symbols in the *Praise* by Epiphanius the Wise. The perception of St. Sergius of Radonezh figure today fits the idea of him that developed at the beginning of the 20th century, despite seventy years of atheistic propaganda or thanks to it. St. Sergius of Radonezh was then a symbol of Holy Russia, a “folk idea,” according to the great Russian historian V.O. Klyuchevsky. That’s how they look at him now. However, the appearance of a symbol, its crystallization in the people’s consciousness requires

a certain time and, most importantly, certain texts. The first work in the cycle of texts about St. Sergius of Radonezh is *Praise* to him, written by his disciple and follower, St. Epiphanius the Wise. Today, *Praise to St. Sergius* is forgotten. It is practically not studied. The article reveals the dynamic image of St. Sergius of Radonezh, which was written by Epiphanius in *Praise*. At the same time, *Praise* is considered as such a work that could exclude the main character from the historical narrative, create a myth about him. And this, in turn, led to the formation of a symbol on its basis, as well as the tradition of its perception, stretching over different eras and, most importantly, connecting them.

Keywords: Old Russian literature, praise, epic, tradition, Sergius of Radonezh, poetics, self-fashioning, holiness.

Скажу избитую, но уж очень подходящую мысль В.О. Ключевского о том, что имя преподобного Сергия «утратило хронологическое значение» и выступило из границ своего времени. Он превратился из исторического деятеля «в народную идею» [3, с. 309–310]. Вторя ему, священник Павел Флоренский указывал, что «мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузелу... все линии русской культуры сходятся к преподобному» [13, с. 356]. Таким образом, можно сказать, что преподобный Сергей явился символом не только русского подвижничества, монашества, но вообще всей Святой Руси.

Однако символ никак неотделим от образа, а образ создает художник, в нашем случае художник слова. Рассмотрим рождение этого символа, так как именно «Похвала» стала фундаментом не только всех произведений о преподобном Сергии, но и основанием его как символа.

«Похвала» как таковая, согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», «одно из устойчивых явлений переводной, пришедшей из Византии церковной литературы (так называемые похвальные слова святым — жанр византийской агиографии). Он постепенно приживается в русской литературе и получает в ней свое дальнейшее развитие» [12, стб. 775]. В этом классическом определении самое важное, пожалуй, последнее словосочетание — «дальнейшее развитие». И вот почему: «похвала» в византийской литературе являлась лишь частью агиографического жанра, но в литературе Древней Руси она развивается до литературного канона или, если угодно, литературной категории [1, с. 104–107]. Скорее, внутри «похвалы» можно выделить теперь

определенные жанровые явления (назовем их по-гречески): биография (как варианты: эпос, хроника, миф), некролог, коммос, панегирик, хайретизм и т. п. Именно «похвала» становится одним из устоявшихся повествовательных канонов русской средневековой литературы. И, с одной стороны, она говорит о конкретной исторической личности, о ее достижениях в земной жизни, с другой — она же призвана вывести эту личность из временных рамок исторического процесса, лишить ее в большинстве своем биографичности, «приготовить» к прославлению. «Похвала» является звеном между историческим нарративом и агиографией и гимнографией.

Разбираемая «Похвала преподобному Сергию», безусловно, необычна и особенна уже в силу того, что ее автором был непревзойденный мастер слова, формы и структуры — Епифаний Премудрый. Его талант ярок и отточен. Он пишет твердым и уверенным пером. Однако, увлекаясь, Епифаний порой переходит, как кажется, границы похвалы. В отдельных ее отрывках он буквально врывается в близстоящий гимнографический жанр. Впрочем, это только предположение, основанное на том, что большая часть его «Похвалы», в силу яркости языка и объемности образа героя, была использована менее талантливым гимнографом для своих целей. Возможно, что именно так должен был выглядеть полноценный древнерусский канон похвалы, во всяком случае так его представлял себе Епифаний Премудрый.

Сегодня «Похвала преподобному Сергию» забыта. Она практически не изучается. Не вызывает особого удивления, что, например, более 98% студентов православных духовных школ (по материалам собственного статистического исследования) признаются, что никогда ее не открывали. А если и открывали, то исключительно отдавая дань уважения автору, являющемуся одновременно и автором первоначальной редакции «Жития преподобного Сергия». Нет ни одной литературоведческой статьи, посвященной «Похвале», ни одного ее компаративистского исследования и т. д. Исключение составляет лишь малая часть лингвистических изысканий по истории языка.

«Похвала преподобному Сергию» была написана примерно за десять лет до обретения его мощей, т. е. того события, чье 600-летие празднуется в этом 2022 г. Таким образом, ей, можно сказать, примерно 610 лет. Придерживаюсь здесь датировки Б.М. Клосса

[2, с. 147–148], небесспорной, но и не так сильно критикуемой, в отличие от других его выводов. Такое же мнение было и у его предшественника — архимандрита Леонида (Кавелина), который считал, что «Похвалу» Епифаний написал раньше жития [4, с. 264]. Да и сама логика похвальных слов говорит нам о том, что они предвосхищали собой агиографический и гимнографический литературный канон, являясь первым шагом к прославлению героя или утверждению этого факта повсеместно. Ее полный заголовок звучит так: «Слово похвално преподобному отцу нашему Сергию, сътворено бысть учеником его священноиноком Епифанием» [11, с. 271].

На сегодня известно около 50 списков этого памятника единственной редакции. Все они имеют минимальные разночтения, кроме, пожалуй, одного, существенного для истории отличия, — в годах жизни преподобного (70 или 78 лет). Впрочем, для нас сейчас не так принципиально это отличие, потому что мы обращаемся к такой истории, которая не исчерпывается обычным предметом посвященных ей сочинений: войнами и мирными договорами, ростом и упадком цивилизаций, революциями и контрреволюциями, датами и биографиями великих личностей и подобными маркерами. Сейчас нас интересует «другая история», которую Ю.М. Лотман [6, с. 365–376] и Стивен Гринблатт [9] имели в виду, рассуждая о «поэтике поведения» и “self fashioning” (т. е. искусство жизни в перспективе ее самодельности, самослепленности) — история себя создающего субъекта. Ведь именно разросшаяся в объеме эта «другая история» порой обнаруживает способность к самостоятельному развертыванию, т. е. к формированию традиций и символов, протянувшихся поверх разных эпох и, что главное, их соединяющих.

Сам Епифаний не сомневается в нужности своей работы — написании «Похвалы» — и в большой от нее пользе, которая, по его словам, «нама̃ паче спасение духовное съдевает» [11, с. 272]. Обязанностью же читателей (слушателей) является, согласно автору, «дивитися» [11, с. 272] всему сказанному в «Похвале», а также «достойно есть ублажити» [11, с. 272] ее героя, т. е. преподобного Сергия.

Преподобный раскрывается в «Похвале» широким спектром и многообразной статикой, и головокружительной динамикой различных качеств характера, чувств, эмоций, настроений. Эту «Похвалу» можно назвать не иначе как эстетикой святости! Безусловно, что все

отмеченное рассмотреть в пределах одной статьи нет никакой возможности. Коснемся кратко лишь некоторых узловых моментов.

Если посмотреть на динамический срез образа преподобного Сергия, выделив, например, все глагольные характеристики его личности, то мы вдруг обнаружим удивительную задумку автора — строгое соответствие образа преподобного евангельским словам Спасителя: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим... возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22: 37–39). В этом и только в этом ключе действует в своей святой жизни преподобный согласно Епифанию.

Так, по отношению к Богу, преподобный Сергей: «усрѣдно Христу последова» [11, с. 272], «въспевааше» [11, с. 279] и «угодити потщася» [11, с. 272], потому что «възлюби» [11, с. 272] Его и «възыска» [11, с. 279], так как именно Богом, объясняет Епифаний поведения Сергия, «есть душа спасти» [11, с. 279].

Причем автор «Похвалы» не просто констатирует факт соответствия жизни подвижника первой заповеди Спасителя, но и объясняет, как преподобный следовал Богу, как он действовал, чтоб угодить Творцу. И первое, на что указывает Епифаний, молодой подвижник «всякъ путь неправды възненавидѣ» [11, с. 272], а «вся краснаа мира сего... вмени» нечистотам и «презре» [11, с. 272], как и «мирскую красоту, злато, и сребро, и прочая имениа прелестнаа света сего» [11, с. 280]. А вместе с тем «поправъ сласти житейскыя, отвръгъ земнаа попечения» [11, с. 280].

Если на словах, казалось бы, все ясно и просто, то на деле такой поворот весьма радикален и сложен, тем более для молодого человека, ступившего на путь аскезы. Но и он имеет свои объяснения в «Похвале». Ничего фантастического, как хотелось бы или ожидалось, нет. Епифаний объясняет, что так решительно преподобный смог действовать и одолеть неодолимое лишь одним — «страстнымъ стремлениемъ» [11, с. 280] быть с Богом. Епифаний не удержался и добавил в свою бочку «Похвалы» ложку реализма. Оказывается, что и стремление к Богу может быть страстным, даже у преподобного, «зане и онъ, человекъ подобострастенъ намъ бывъ» [11, с. 272], — очень живой и яркий штрих, простой и по-человечески понятный, думаю, всем, — а после добавляет «понеже от юности очистися» [11, с. 277], возвращаясь к привычному похвальному повествованию.

Затем не только «краснаа мира» [11, с. 283], но и прочие суетные, неблагоприятные и даже нейтральные, казалось бы, для инока вещи «не искаше... иже не требе ему бысть» [11, с. 279]. Но то, что ему точно требовалось, он узнавал «в мльчании добре седаше и себе вьни-маше» [11, с. 279]. И за таким делом он «никако же разленися» [11, с. 275], «ни унывъ» [11, с. 275]. Хотя и то, и другое вполне могло бы произойти и происходило со многими сидящими и внимающими себе иноками. Кроме того, те же многие, как пишет Епифаний, причисляя и себя к ним, «ползаа семо и овамо, и преплываа сюду и ову-ду» [11, с. 279], и часто «от места на место преходея» [11, с. 279], чего не позволял себе преподобный Сергей, который «не хождаше... ни по многим местомъ, ни по далнимъ странамъ... нъ въ единомъ ме-сте живяше» [11, с. 279], подчеркиваю, что согласно «Похвале», так как в «Житии преподобного Сергия» Епифания просматривается несколько другая картина перемещений главного героя.

Так поступал преподобный не потому, что, например, ему этого хотелось или представлялось верным, а потому, что он поступал и решал «стопамъ последуя» [11, с. 272] древних отцов и «житию ихъ ревнуя» [11, с. 272], пишет Епифаний, делая ударение: особенно тех, кто «в посте провосиаша» [11, с. 272]. Именно этими добродетелями — постом, а также еще и молитвой — Сергей «покоривъ духови, победивъ страсти телесныя и вреды душевныя, стяжа тръпение крепко и въздержание твердо» [11, с. 277]. И все это ради любви к Богу. «Кто бо ныне тако възыска Бога всемъ сердцемъ и от всея душа възлюби, яко же съй преподобный отецъ нашъ», — восклицает Епифаний [11, с. 279]!

Главной же добродетелью преподобного Сергия в борьбе с собой Епифаний показывает постоянство — «не инако начя, и инако оконча» [11, с. 275]. Много раз повторяется в «Похвале»: «не изменивъ правила... во вся лета житиа своего» [11, с. 275], «еже наченъ от юности зело, то же и съвръши въ старости глубоце» [11, с. 275], «елико убо жестоко и свято начя, толико же изрядно и чудно скончя» [11, с. 275], «съ благоизволениемъ убо начя, съ святынею же съвръши» [11, с. 275], «благочестиве начя, и благочестно поживе» [11, с. 275] и т. д.

Таким образом, заключает Епифаний, преподобный «поживе на земли житие... благоугодно Господеви» [11, с. 275], т. е. достиг поставленной цели — угодил Творцу, показал и доказал свою любовь к Нему.

Плодами такого угождения для преподобного Сергия стали его «вера, упование, и любовь приизлише» [11, с. 275], т. е. сверх меры, что мы и увидим, идя дальше.

О любви к ближнему преподобного Сергия автор «Похвалы» пишет так: «Людемь на ползю бысть многымь» [11, с. 273]. И вот в чем эта польза состояла: «Многих научи душеполезными словесы» [11, с. 274], ими же «на покаание къ Богу обрати» [11, с. 274], «многих душа къ Богу приведе» [11, с. 274], «многымь на спасение» [11, с. 273], «многымь на успех душевный» [11, с. 273], «многим на потребу» [11, с. 273], а «многим на устрои» [11, с. 273]. Здесь интересно само деление людей на группы, как на кого влияло слово преподобного Сергия: кому-то во спасение, а кому-то на успех душевный (сложно сказать, что имел в виду под «душевным успехом» Епифаний), кому-то на пользу или нужду, а кому-то для порядка. В нем светилась такая любовь к ближнему, что «не токмо от поучения его ползеваяхуся, нъ и многажды некимь, зрящимь на нь точию, от зрениа его приимати ползу» [11, с. 274], а если при этом же кто слышал преподобного, то не мог не насладиться «от сладости словесъ его» [11, с. 277].

Не забывает Епифаний упомянуть и монастырскую братию, выделяя ее отдельно: кого-то преподобный «облекъ въ иночскый образъ» [11, с. 274], тем самым проявляя к нему свою любовь, кого-то отпел и «честныа мощи... своима рукама опрятавъ, погребению предасть» [11, с. 274]. «За премногую его добродетель» [11, с. 273], — пишет далее Епифаний, — «образъ во всемь бывъ» [11, с. 275] для своих учеников и «упасе бо порученое ему от Бога стадо въ преподобии и правде» [11, с. 275]. В заключение же Епифаний, объединяя и иноков, и мирян («не точию иноци, нъ и простии» [11, с. 275]), указывает, что некоторые «и доныне спасаются, поминающе душеполезнаа словеса и учения» [11, с. 274–275] преподобного. И так как преподобный Сергий не оставил нам письменного наследия, можно предположить, что и через 20 лет после его преставления были живы те, кто вполне сознательно слушал наставления старца и слагал их в своем сердце.

Вот такой динамический образ преподобного Сергия вырисовывается у Епифания, который точно соответствует ответу Спасителя на вопрошание законника.

Оставим за скобками статичный образ преподобного, также опустим и метафорический портрет преподобного Сергия, написанный

Епифанием в «Похвале». Скажем несколько слов о биографии главного героя.

«Похвала» преподобному Сергию имела все необходимые и уже перечисленные выше элементы, которые содержались в древнерусских похвалах: и биография, и некролог, и плач, и панегирик. Но в «Похвале» Епифания биография отличается не просто факультативностью своего исторического материала. Его в ней практически нет! Топосность здесь затмевает и вымарывает частность. Никакой конкретики, даже минимальной, исключая только возраст преставления старца и желание преподобного лежать с прочей братией, а не в храме, что также вполне соответствует общему месту. Общие места на первый взгляд могут выглядеть как реальная биография святого или даже совпадать с ней, но выделить их в отдельный блок невозможно. Да и надо ли? Ведь цель автора иная!

Епифаний Премудрый прекрасно понимал, что для похвалы ничего другого и не надо: «Еже от многа мало нечто понудихомся, аще и не по чину положихом, ни по достоянию написахом» [11, с. 278–279]. Именно такой исторический контент должна иметь похвала, потому что она призвана явить исторический символ, а не исторического героя. Символы же, как известно, строятся на подвиге — некоем мифологическом действе, к которому прикрепляется лишь факультативный биографический нарратив [8, с. 521–522]. А в свою очередь биографический нарратив исторических героев всегда устойчив и неподатлив. В составе их личности слишком много констант. Символ же может быть сформирован и на личностном материале, и чем меньше у этого материала биографического нарратива, тем вероятнее формирование на его основе символа.

Епифаний сознательно создает биографический миф (здесь использую слово «миф» в понимании А.Ф. Лосева, т. е. «чудо» [5, с. 171–201]). Премудрый автор доводит биографию преподобного до мифологического стандарта, превращая его личность в символ подвижничества, усвая ему уже в этой жизни черты горнего мира («видети его хождениемь и подобиемь аггелолепными» [11, с. 274], или более традиционное — «поживе на земли аггелскимь житиемь» [11, с. 273]), а также ставя преподобного на один уровень с Христом (и если даже не на один уровень, то сравнивая с Богом), что традиционно скорее для агиографии XVI в., а не начала XV в. [7]: «Учяше бо и

творяше, яко же... Исус творити же и учити» [11, с. 274]. Все это свидетельствует о задумке Епифания не просто построить образ святого, но и попытаться создать на его основе символ. Епифаний утверждает в «Похвале», что «несмь бо азъ видель въ дни сиа, и в нынешняя времена, и въ наша лета сицева мужа свята, и съвършена въ всяко дело благо, и украшена всякою добродетелию» [11, с. 278], но не потому, что подобных ему не было, как раз были, и много, — это же первая половина XV столетия, золотой век древнерусского иночества, — а потому, что этот и только этот образ должен был стать символом. Необходимо было его просто выделить, оттенить.

Символ зарождается в том промежуточном пространстве «Похвалы», где жизнь превращается в текст, а текст предназначается для того, чтобы его проживать. В этом промежутке как таковая проблема несоответствия, которая часто возникает в литературе между фигурой реально существующего героя и его авторским образом, не стоит. В ней важны выявление принципов поэтики поведения и конструирования личности на основе той положительной оценки атрибутов или действий другого человека, где оценщик предполагает действительность стандартов, на которых основана эта оценка [10]. И пример преподобного Сергия, запечатленный гениальным Епифанием в его «Похвале», говорит нам, что история дает шанс каждому стать иным, чем он есть (*verba movent, exempla trahunt* — слова назидают, примеры влекут — гласит латинская пословица). Воспользоваться же этим шансом и попытаться с помощью символа Святой Руси «заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще глевшие искры того же огня (страстного стремления к Богу. — М.П.), которым горел озаривший их светоч... открыть глаза на самих себя» [3, с. 320] никогда не поздно, тем более имея под рукой такое удивительное произведение столь великого автора.

И последнее: если рассуждать в духе того величайшего значения литературы, которую она имела и имеет до сих пор в деле рождения символов, т. е. в идеологии и в дидактике, то невольно приходишь к мысли, притом нисколько не сомневаясь в святости отдельного, вполне конкретного и, главное, реального человека, каким и был Сергей Радонежский: а был бы он нашим символом, если бы у него не было такой потрясающей текстовой поддержки, какая она была у игумена всея Руси?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 104–116.
- 2 Клосс Б.М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. I: Житие Сергия Радонежского. 568 с.
- 3 Ключевский В.О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. 621 с.
- 4 Леонид (Кавелин), архим. Предисловие к изданию 1885 г. // Житие Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и Похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. С. 257–268.
- 5 Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
- 6 Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с.
- 7 Первушин М.В. Два взгляда на княгиню Ольгу в древнерусской гимнографии // Litera. 2020. № 10. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33861 (дата обращения 14.05.2022).
- 8 Первушин М.В. Несколько взглядов на одну жизнь: литературные образы князя Всеволода Псковского // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 19 / гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 507–525.
- 9 Greenblatt S. Renaissance Self Fashioning: From More to Shakespeare. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 321 p.
- 10 Kanouse D.E., Gumpert P., Canavan-Gumpert D. The Semantics of Praise // New Directions in Attribution Research / J.H. Harvey, W. Ickes, R.F. Kidd (Eds.). New York: Lawrence Erlbaum Associates, 1981. Vol. 3. P. 97–115.

Источники

- 11 Епифаний Премудрый. Похвальное слово Сергию Радонежскому // Клосс Б.М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. I: Житие Сергия Радонежского. Ч. IV: Тексты. С. 271–283.
- 12 Коробейникова Л.Н. Похвала // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 775.
- 13 Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2 / ред. П.В. Флоренского и др. 877 с.

REFERENCES

- 1 Averintsev, S.S. "Istoricheskaja podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizatsii" ["Historical Mobility of the Category of Genre: an Experience of Periodization"]. *Istoricheskaja poetika: Itogi i perspektivy izucheniiia* [Historical Poetics: Results and Prospects of Study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 104–116. (In Russian)

- 2 Kloss, B.M. *Izbrannye trudy* [Selected Writings], vol. I. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 568 p. (In Russian)
- 3 Kliuchevskii, V.O. *Pravoslavie v Rossii* [Orthodoxy in Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 2000. 621 p. (In Russian)
- 4 Leonid (Kavelin), arkhim. "Predislovie k izdaniiu 1885 g." ["Preface to the 1885 Edition"]. *Zhitie Prepodobnogo i Bogonosnogo ottsa nashego Sergiia Chudotvortsia i Pokhval'noe emu slovo, napisannye uchenikom ego Epifaniem Premudrym v XV veke* [Life of the Monk and God-bearing Father of Our Sergius the Wonderworker and the Word of Praise to Him, Written by His Disciple Epiphanius the Wise in the 15th Century]. Sergiev Posad, Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra Publ., 2005, pp. 257–268. (In Russian)
- 5 Losev, A.F. *Dialektika mifa* [Dialectic of myth]. Moscow, Mysl' Publ., 2001, 558 p. (In Russian)
- 6 Lotman, Iu.M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh* [Selected Articles in Three Volumes], vol. 1. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. 479 p. (In Russian)
- 7 Pervushin, M.V. "Dva vzgliada na kniaginiu Ol'gu v drevnerusskoi gimnografii" ["Two Views on Princess Olga in Old Russian Hymnography"]. *Litera*, no. 10. 2020. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33861 (Accessed 14 May 2022). (In Russian)
- 8 Pervushin, M.V. "Neskol'ko vzgliadov na odnu zhizn': literaturnye obrazy kniazia Vsevoloda Pskovskogo" ["Several Views on One Life: the Literary Image of Prince Vsevolod of Pskov"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 19. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 507–525. (In Russian)
- 9 Greenblatt, Stephen. *Renaissance Self Fashioning: From More to Shakespeare*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. 321 p. (In English)
- 10 Kanouse, David E., Gumpert, Peter, and Donnah Canavan-Gumpert. "The Semantics of Praise." *New Directions in Attribution Research*, Harvey, J.H., Ickes, W., Kidd, R.F. (eds.), vol. 3. New York, Lawrence Erlbaum Associates, 1981, pp. 97–115. (In English)

Информация об авторе: Михаил Викторович Первушин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1104-946X>

E-mail: 1609pm@gmail.com

Information about the author: Mikhail V. Pervushin, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1104-946X>

E-mail: 1609pm@gmail.com

Для цитирования: Первушин М.В. Имагологическая символика в «Похвале» Епифания Премудрого // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 239–250. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-239-250>

© 2022, М.В. Первушин

For citation: Pervushin, M.V. “Imagological Symbols in the ‘Praise’ by Epiphanius the Wise.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 239–250. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-239-250>

© 2022, Mikhail V. Pervushin